

Глава 1

Снег в Чарльстоне не только редкость, но и подлинное волшебство. Припорошенные белой ледяной пылью пальмы и шпили церквей, древние статуи и кованые ограды превращают Священный город в завораживающий снежный шар. Когда дети и взрослые выбегали на улицу, чтобы поиграть на экзотической игровой площадке, на лужайках и в парках, словно сорняки, начинали прорастать снеговики, а на каждом ровном участке земли расправляли свои крылья снежные ангелы.

В течение почти трех дней после рекордной снежной бури, когда температура начала подниматься, белые пятна снега отчаянно цеплялись за каждую поверхность, постепенно сжимаясь по мере оттаивания мира, оставляя после себя лишь потеки на карнизах и мокрые лужи, как напоминание о том, что они когда-то были здесь.

Я наблюдала за всем этим из своего дома на Трэдд-стрит, и мое сердце казалось таким же замороженным, как ледяные сталактиты, капающие из фонтана «Ананас» в прибрежном парке. Меньше чем за неделю моя жизнь перевернулась с ног на голову, как будто приняла приглаше-

ние зимы покататься по льду без коньков. Или любой толстой подкладки, способной смягчить неизбежное падение.

Неким образом я умудрилась превратиться из очень счастливой в браке матери троих детей в мать-одиночку, от которой ушел муж, а сам брак грозил вот-вот треснуть, как подтаявший лед. А все потому, что я совершила ошибку, нарушив свое обещание доверять Джеку настолько, чтобы делиться с ним всем. Быть одной командой во всех делах.

Что бы там ни думали другие, это была не совсем моя вина. Мы с Джеком — а он автор бестселлеров о реальных преступлениях — бились над разгадкой тайны того, где спрятан клад времен Войны за независимость. Увы, заклятый враг Джека, самопровозглашенный автор и законченный негодяй Марк Лонго обнаружил его первым. Марку удалось украсть идею книги Джека об исчезновении Луизы Гиббс, которая когда-то жила в нашем доме на Трэдд-стрит и которую убил предок Марка, Джозеф Лонго. Марк не только сделал книгу международным бестселлером, но и заключил выгодный контракт на ее экранизацию. А потом не мытьем, так катаньем сумел уломать нас, чтобы мы разрешили снимать фильм в нашем доме. Ради Джека я не могла позволить Марку одержать очередную победу.

Не моя вина, что в то самое время, когда я узнала, что клад зарыт на кладбище на плантации Галлен-Холл, принадлежащей брату Марка Энтони Лонго, Джек заболел гриппом и не успел вовремя поправиться. Не моя вина, что Марк и Энтони рассчитывали, что я разгадаю тайну, и ждали, когда я укажу путь к спрятанному сокро-

вищу. Не моя вина также и в том, что моя сводная сестра Джейн рассказала Джеку, чем я занимаюсь, и что он настоял на том, чтобы пойти с нами на кладбище. И уж точно не моя вина, что он случайно наступил на старую могилу, полную рассыпавшихся в труху гробов, которые рухнули под ним, едва не похоронив заживо.

Насколько я могла судить, моя единственная ошибка заключалась в моей убежденности. Я была убеждена в том, что Джек так обрадуется, что я нашла клад, что простит мне все остальное. Но, как оказалось, все мы сильны задним умом, и просить прощения не всегда легче, чем просить разрешения.

Я бросилась по заснеженным улицам города, чтобы сказать Джеку, что мне жаль, что я совершила ошибку и что это никогда не повторится снова, но обнаружила, что он собирает сумки. В ответ он лишь попрощался со мной, после чего последовал решительный щелчок входной двери, захлопнувшейся прямо перед моим носом.

Три недели я не выходила из дома, боясь пропустить момент, когда Джек решит вернуться. Друзья и родственники приходили и уходили в бесконечных попытках встряхнуть меня, уговорить выйти на улицу, обольстить обещаниями пончиков и кофе — увы, ни то ни другое больше не соблазняло меня.

Рождество прошло почти незаметно. Моя падчерица Нола превзошла саму себя, пойдя против собственных диетических предпочтений и приготовив мои любимые десерты с глютенем и углеводами, а также другие вкусняшки. Со своей стороны я из кожи вон лезла, притворяясь, будто я их ем. Она и мои 21-месячные близ-

нецы, Джей-Джей (сокращенное имя Джека-младшего) и Сара, спасли весь праздник тем, что были единственными яркими пятнышками радости.

Их няня, Джейн, одела малышей, чтобы отвезти в дом родителей Джека, где они должны были отпраздновать Рождество во второй раз в один и тот же день. В отличие от меня Нола и близнецы, похоже, не были расстроены перспективой того, что они получают новые подарки без меня. Подарки, которые, вне всяких сомнений, были возвращены как попало, вместо того чтобы для точности измерить каждый угол и чтобы каждый клочок ленты был одинаковой длины с другими. По-видимому, только их мать знала, насколько важны подобные вещи.

Я даже приняла душ и вымыла волосы, питая смутную надежду на то, что Джек сам приедет забрать их, но потом все же была вынуждена храбро поцеловать детей на прощание. Три мои собаки — Генерал Ли, Порги и Бесс — скулили и сопели, поднимая мне настроение, пока до меня не дошло: они расстроены вовсе не из-за меня, а потому, что тоже хотели в гости.

Даже после Рождества, когда все возвращались к повседневным делам, моя работа риелтора в «Бюро недвижимости Гендерсона» не привлекала меня настолько, чтобы одеться и отправиться в свой офис на Брод-стрит. Все равно в это время года бизнес замирал, и наша секретарша Джолли пообещала позвонить мне и сообщить, если будет что-то важное. Она не только дотошно хранила все записи и делала заметки (что я ценила больше, чем все остальные), но также была самопровозглашенным экстрасенсом, чьи предсказания были либо крайне

расплывчаты, либо устрашающе точны. Она позвонила только один раз, чтобы решительно — по ее словам — сообщить мне, что призраки не оставляют следов на снегу. У меня не хватило духу сказать ей, что она неправа.

И вот теперь, спустя почти три недели после Нового года, я стояла у одного из высоких окон столовой, выходивших на наш сад, который был любовно восстановлен моим отцом. Прошлой весной весь его кропотливый труд был сведен на нет сильными ливнями, обнажившими древнюю цистерну, причем не только старые кирпичи.

Не будь мое настроение и взгляды на жизнь такими же темными и пустыми, как дно цистерны, возможно, я надеялась бы, что последний из беспокойных духов, разбуженных внезапным светом, покинул место своего обитания. В конце концов, они ведь тоже отчасти виноваты в уходе Джека. Но только отчасти. Остальная вина лежала на ком-то другом, хотя мы с Джеком, похоже, расходились во мнении относительно того, на ком именно.

Прижавшись лбом к холодному оконному стеклу, я тупо наблюдала за тем, как вокруг остатков снега на голубом брезенте, защищенном от солнца вековым дубом, стали появляться небольшие углубления. Торчащий то здесь, то там голый выступ синего брезента навевал мысли о локтях замерзших пловцов. Я моргнула, узнав четкие отпечатки пятки и носка маленькой ноги в ботинке, прокладывающие дорожку через сад. Поняв, что следы заканчиваются прямо перед окном, где я стояла, я выпрямилась.

— Мелли?

Я вздрогнула, что случается со мной редко, и, схватившись за горло, резко обернулась. Большую часть моих

сорока одного года меня посещали дорогие усопшие, но они скорее действовали мне на нервы, нежели пугали. Особенно те, кому, похоже, нравилось появляться позади меня в зеркалах или материализоваться на лестничных площадках, чтобы затем грубо толкнуть меня. В какой-то момент мне нужно было обсудить с ними азы хорошего поведения.

Джейн стояла позади меня, держа пакет, от которого подозрительно пахло пончиками. В другой руке она сжимала кружку из кухни, от которой поднимался пар. Светло-коричневый цвет содержимого говорил о том, что она добавила идеальное количество сливок. Мы с ней знали друг друга всего около года, но этого времени нам хватило, чтобы прийти к выводу: мы обе любительницы кофе со сливками и с еще большим количеством сахара, она более спортивная, чем я, она ненавидит темноту по той же причине, что и я, и мы обе унаследовали от матери способность общаться с мертвыми. Джейн смотрела мимо меня в сторону сада и единственной пары следов.

— Кто здесь? — тихо спросила она, словно не желая испугнуть этого кого-то или что-то. Увы, она опоздала. Волоски у меня на затылке и на руках уже встали по стойке «смирно». Внезапно я вспомнила самую последнюю колонку, написанную Сьюзи Дорф, репортершей местной газеты «Пост энд курьер»:

...раскопки цистерны в бывшем особняке Вандерхорстов на Трэдд-стрит все еще продолжаются, но неназванный источник сообщил мне, что там скрыто больше секретов, и некоторые члены нашего сообщества делают ставки по поводу того, будут ли владельцы дома жить

в нем вместе к тому времени, когда будет обнаружено последнее сокровище.

Я демонстративно повернулась спиной к окну.

— Не знаю и знать не хочу. Я сыта всем этим по горло.

— А как же твоя подруга Вероника? Ты ведь обещала помочь ей выяснить, кто убил ее сестру. Мы должны работать вместе, помнишь? Не говоря уже о том, что Вероника рассчитывает на тебя. Особенно теперь, когда ее муж настаивает на продаже их семейного дома. Адриенна все еще там... ты чувствовала ее присутствие. И мы обе знаем, что, если они уедут, ты потеряешь все шансы найти убийцу.

Я мгновение в упор смотрела на нее, затем медленно кивнула:

— И мне кажется, ты не дашь мне забыть об этом в ближайшее время.

— Не дам. — Она встала рядом со мной и прижалась лбом к окну, чтобы заглянуть в сад. — Они ведь почти закончили раскопки, верно? Папин сад практически разрушен. Хотя, между нами говоря, похоже, он в восторге от перспективы начать все сначала. Мне кажется, мы должны ограничить количество уроков садоводства, которые он посещает. Его энтузиазм уже бьет через край.

Я кивнула. Я больше не ошетиливала, когда она называла моего отца «папой». Она родилась после того, как мои родители развелись, после того как наша мать возобновила отношения со своим старым кавалером. Личность Джейн и тот факт, что она не умерла при рождении, как когда-то сказали нашей матери, были под-

тверждены лишь недавно, когда она неожиданно унаследовала дом на Саут-Бэттери. Нам и нашей матери пришлось как следует потрудиться, чтобы одержать победу над разгневанным призраком жены ее отца.

Лишь недавно примирившись с воссоединением матери и отца, я с трудом приняла сестру, которую сразу же приняли оба моих родителя. Несмотря на мои первоначальные опасения, я тоже со временем приняла и полюбила ее и была втайне обрадована тем, что теперь у меня есть сестра, с которой меня роднит нечто большее, нежели просто общая ДНК.

— Софи постоянно твердит мне, что они близки к завершению. Я не собираюсь рассказывать ей о следах... я хочу, чтобы эту цистерну поскорей закопали и забыли о ней.

Джейн повернулась ко мне лицом. Но вместо того чтобы упрекнуть меня, она сделала большие глаза и в упор посмотрела на меня.

— Ты рылась в шкафу Софи?

Доктор Софи Уоллен-Араси была — вопреки здравому смыслу — моей лучшей подругой. Преподаватель сохранения исторического наследия в Колледже Чарльстона, она была моей полной противоположностью. Софи носила цветастые балахоны, а я хрустящие льняные костюмы с сумочками в тон. Она — биркенстоки, а я лабутены. Она предпочитала настоящую рождественскую зелень, когда мне хватало простых пластиковых гирлянд, а все потому, что ей нравилось все усложнять. Я привыкла думать, что мы дополняем друг друга, сглаживая острые грани наших личностей. Софи провела меня че-

рез обширный и бесконечный ремонт моего исторического дома, который я, сама того не желая, унаследовала вместе с собакой — Генералом Ли — и экономкой миссис Хулихан. Все это время я постоянно комментировала ее странный выбор нарядов в надежде на то, что однажды она действительно посмотрит на себя в зеркало и все исправит.

Я посмотрела на свои мешковатые спортивные штаны и изъеденный молью кардиган с пятном от неопознанной еды на рукаве, и на мои глаза навернулись слезы. Я нашла эту одежду в темном углу чулана, куда Джек бросил ее и забыл. Кроме наших детей, это были единственные его вещи, которые он оставил после себя.

Словно для того, чтобы предотвратить новые слезы, Джейн с обнадеживающей улыбкой подняла пакет и кружку.

— Я принесла пончики из твоей любимой пекарни. И приготовила тебе кофе так, как ты любишь. — Она подошла ближе, чтобы я могла почувствовать аромат кофе. — Поскольку миссис Хулихан все еще в отпуске, я сделала все сама.

Обычно при одном только упоминании моей любимой пекарни у меня бы потекли слюнки, но сегодня лишь тихо заурчало в животе. Я не могла вспомнить, когда я в последний раз ела.

Я взяла кружку, а Джейн, поставив пакет на обеденный стол, посмотрела на сморщенные апельсины и сухие сосновые ветки, стряхивающие на блестящую поверхность пола коричневые иглы. Все это в центре стола осталось от благотворительного рождественского ужина